

Юрген Байконур

Под небом голубым

Невольно слушая бесконечную болтовню попутчиков, Андрей уже, трудно сказать, в который раз посетовал, что не взял билет на самолёт. Он плохо переносил поезд, и поездка даже в приличном вагоне и с молчаливыми ненавязчивыми пассажирами его утомляла. Монотонный стук колёс уже никуда не звал, мелькающие станции ничего не напоминали, разгадывать характеры и судьбы наугад выбранных на перроне людей надоело.

Это досадное сомнение по поводу выбора транспорта, граничившее с досадой, назойливо лезло в душу, но его отгоняла упрямая и тревожная мысль: решение ехать на поезде родилось внезапно и... законченно, словно какой-то невидимый властный куратор сказал, как отрезал. Не будучи другом даже умеренной мистики, он всё же верил в случай, не раз встречал подтверждение этой вере и потому без особого сопротивления внял настойчивой просьбе незримого властителя.

Поездом так поездом. Благо, вагон фирменный — кондиционеры вполне сносно противостояли уличной жаре. И окна — тот же телевизор, правда, ролик, поставленный, если не бесконечное, то суточное повторение, крутился без пауз короткий и однообразный. Интересно, а есть ли сейчас вагоны не фирменные, подумал Андрей. Те самые вагоны, где народ на вторые сутки пути превращался в республику единомышленников и единоверцев, бродил в майках и без таковых, играл в карты, курил в тамбуре, рассказывал и сочинял на ходу занимательные были и героические сказки, требовал открыть второй туалет и покупал на полустанках пирожки и домашнюю картошку с солёными огурцами?

Сидеть было уже не вмоготу. Интуиция подсказывала появление, если не полного, то хотя бы предварительного, частичного понимания, чего-то большого, судьбоносного и фатально важного. В этом ожидании не просматривались ни свет, ни мрак, ни даже чёрные или серые тени. Зарождающийся образ был многолик, непрост и порождал дерзкий настрой тревожного и полного надежды ожидания. Этого было мало, потому что мозг требовал рационального алгоритма действия. Этого было много, ибо не каждый день и не каждый год тот, который в нас сидит, проявляет подвижническую настойчивость, граничащую с безумием.

Андрей направился в вагон-ресторан. Благо, заведение располагалось через рядом. Прохладно, уют, пиво. За окном за сорок, песок, верблюжья колючка. Но нет красного московского борща и волшебных прослоек в початой бутылке жигулёвского. Отсутствие борща ещё можно понять, но какой как-то клизм забрал в прошлое плотное натуральное пиво? Когда-то давно, поезд, если выбивался из графика, мог стоять у каждого столба... Андрей глянул на добротные дорогие часы — за десять. Состав приближался к большой станции, вдали справа выросли из песка многоэтажные дома.

2

... В небе появилась жёлтая звёздочка, уверенно набирающая высоту. Это не самолёт, не экзотический болид и даже не шаровая молния. Полёт вертикальный, уверенный и, как отмечали многочисленные очевидцы, зовущий. Два мальчишки смотрят на взлетающую ракету и деловито рассуждают. Может, космонавт? Может, на Луну? Неплохо бы, и на Венеру... Но на Утреннюю звезду, наверно, ещё рано. Они знают, что вот-вот от красно-жёлтого огонька протянется дымный рукав, как след от истребителя, сначала ровный, затем рваный, постепенно рассеивающийся и исчезающий по мере приближения отделившейся ступени к земле. Они видели это не раз — и днём, и вечером, и утром, и даже ночью.

Иногда наблюдения были случайными, иногда ожидаемыми. К ожидаемым относились крупные пуски, когда многие десятки, а может, сотни любопытных, далеко не праздных граждан разных возрастов забирались даже на крыши домов, чтобы посмотреть и душевно поддержать секретный пуск в секретнее время. И если действие осуществлялось поздно вечером, космический жар ракеты и расступившаяся перед мощнейшим вторжением разорванная атмосфера попадали в лучи зашедшего за горизонт Солнца. Картинам, возникающим на небе, не было аналогов, и любая фантазия изощрённого фантаста-художника или креативно смелого импрессиониста отставала от этой реальности на безнадёжное творческое расстояние.

О том, куда она «пошла», расскажут сегодня вечером по радио и телевизору. Завтра, возможно, успеют напечатать в газетах, которых не так уж много. И возможен даже такой счастливый исход, что опять площадь будет полна людей, опять проедет открытый газик с космонавтами и скромным эскортом. Но пока важно, чтобы она пошла. Если не пойдёт — ни о чём не расскажут и не напишут. И тогда родители будут обсуждать на кухне очередную государственную тайну, и очень хочется верить, что будет она, эта тайна, краткой, без трагических подробностей...

3

И опять напомнил о себе таинственный куратор. На смену покою, отрешённости пришла пока ещё не оформившаяся решимость, перерастающая в одержимость. Андрея никогда не подталкивали в спину и не указывали, куда и зачем идти. Но на этот раз он не стал проявлять строптивость: не допил пиво, встал, проходя мимо официанта, быстро рассчитался и направился в свой вагон. Собираться не пришлось — взял дорожную сумку, пожелал попутчикам доброго пути и двинулся в тамбур. Поезд замедлил ход и вскоре остановился — наверное, встречный. Остановка поезда нарушила планы пожилого проводника, который стоял в тамбуре и собирался закрыть на замок только что открытую дверь.

Разговор был коротким, «мзда» — внушительной, прыжок с неподготовленной к высадке пассажиров площадки — опасным, но удачным.

Андрей повесил сумку на плечо и решительно направился в сторону далёкого города. Проводник молчал и, видимо, думал о превратностях человеческих характеров и вытекающих отсюда капризах. И ещё он подумал о том, что когда был молод, весел, гибок и вынослив, то возил в Москву великолепную таранку с Арала, роскошные и добротные шерстяные носки, выносимые местными жителями к поездам, «ожидаящим» на разъездах, овощи, фрукты с Алма-Аты, а обратно загружался индийским чаем. Слово «бартер» тогда не знали, но дело шло, и мелкий бытовой бизнес всех устраивал. Так вот в то далёкое светлое и не обижающее никого время поезд проходил мимо этой станции рано утром, и выходящих здесь пассажиров отличали две особенности: сдержанность в разговорах и обмотанные необычной тогда синей изоляционной лентой ручки чемоданов.

Андрей прошёл метров сто, когда поезд тронулся. Где-то слева должна была пролегать шоссейная дорога, автобусы, такси... Но он шагал по песку, сухой траве и прикидывал, что скоро придётся вытряхивать всё это добро из далеко не туристских туфель.

А вот и наследие прошлого — хлипкая конструкция из полусгнивших деревянных столбиков и ржавой, почти сгнившей колючей проволоки. Можно, конечно, обойти — несколько метров в ту или иную сторону — но Андрей не без легкомысленной лихости, в полупрыжке, преодолел препятствие. И не упал, и брюки не порвал! К счастью?

4

... Цель понятна — найти чёрный тюльпан. Вообще-то, как уверяют взрослые, он фиолетовый. Но всё равно — чёрный. И виден он должен быть издалека. Но пока не попадается. Будущие физики, лирики, работяги, офицеры и зеки, опять забывшие взять с собой воды — да и кто её потащит? — мечтают вслух о газировке и исследуют пустынный аттракцион.

Между огромных бетонных труб закреплена доска, она же трамплин. Ловкий и решительный пацан, приноровившись, может прыгнуть на доску, отпружинить и запрыгнуть на противоположащую весьма высокую бетонную тумбу. Почти всё оказались ловкими и решительными. Почти — потому что один путешественник и покоритель не решается, отлынивает. Он отстаёт и, когда никто не видит, делает то же самое. Затем повторяет прыжок, развернувшись в воздухе. Прыгает с площадки на землю, бежит и проверяет, что там за тумбой — чисто? И затем прыгает ещё раз и легко перелетает через пункт традиционного приземления. Это бесспорное достижение, но аудитории нет. Пацаны уже далеко — надо спешить. А вот и удача — награда за смелость: находит за бугорком чёрный тюльпан. Рассматривает его, присев на корточки, легонько трогает пальцами, тихо говорит сам себе — да,

всё-таки фиолетовый, не срывает его и спешно догоняет дворовую компанию. И всё равно — чёрный!..

5

Город вырос, приблизился к станции, и потому путь оказался неожиданно недолгим. Такси стояло на дороге — словно ждало. Андрей отметил, что водитель встретил его удивлённым взглядом и вздохом облегчения, словно стоял здесь и мучился поиском решения сложной и сомнительной задачи, нашёл долгожданное решение и удивился его простоте и необычности. Андрей не стал ни гадать, ни спрашивать. Кто знает, что там у водителя на уме — радости, горечи, проблемы или задремал и что-то пригрезилось?

Через десяток секунд водитель заученно выдавал текст брошюры по истории поселившегося в пустыне населённого пункта. Он почему-то решил, что пассажир — человек в городе новый и ему будет интересен рассказ. Не лишённое ораторского мастерства повествование действительно было увлекательным, хотя несколько переполненным датами и событиями. За словесным потоком было трудно уследить. Андрей слушал в пол уха и не стал разочаровывать небесталанного рассказчика уточнениями из своей биографии.

Его больше занимал странный поступок, им совершенный, удивлённый взгляд водителя и... цвет неба. Когда-то оно не было таким, не должно оно быть таким и сейчас.

— И часто небо такое мрачноватое, словно сумерки? — спросил Андрей, обозначив кивком направление к центру.

Ответом ему стал ещё более насыщенный удивлением взгляд, чем при встрече. Он несколько растерялся и впредь решил не спешить с вопросами. Там вдали, где должна была находиться железнодорожная станция и ушедший поезд, хорошо просматривалась выжженная синева, тянувшаяся до города и даже частично его покрывающая. Но вот дальше пролегла зримая граница, разделяющая светлый небосклон и серое мрачное покрывало. Не облачное, не затянутое тучами, а именно серое, плотное и тревожно-неприятное. Казалось даже, что и город в этой части затянут лёгкой дымкой, хотя смогу здесь взяться неоткуда.

«Похоже, день перестаёт быть томным, — подумал Андрей, — что-то не так в датском королевстве... или не датском... и даже не в королевстве...» Он поморгал, лёгким движением правой руки протёр глаза, покосился на таксиста: «Неужели он не видит?» Таксист тоже покосился и по-своему понял некоторую неадекватность пассажира: «Здесь недалеко забегаловка... кафешка неплохая — коньячок наливают...» Андрей понимающе и благодарно улыбнулся и, поддерживая навязанную легенду, одобрительно кивнул.

6

...Журнал «Техника молодёжи», властитель дум и ваятель судеб миллионов, поделился очередным несложным проектом, и благодарные юные читатели приступили в его реализации. Слово экспроприация было тогда ещё трудноватым для произношения, и поэтому можно сказать проще: раскладушка была позаимствована из подвального сарая. А вот каким образом арсенал будущих великих пиратов, корсаров, флибустьеров и просто дерзких путешественников пополнился большим куском брезента, не припоминается. Бесспорно, гермоукупорка подошла бы значительно лучше, но её раздобыть не удалось. А ведь именно из неё были склеены всё без исключения надувные лодки, имеющиеся у романтиков-горожан. Брезент так брезент.

Каркас есть, покрытие есть. Путь до реки недолгий. Груз — по силам. Судно — раскладушка обтянутая брезентом — спущено на воду, в нём разместились два отчаянных мореплавателя, вооружённые палками вместо весел. И уж трудно сказать, кто виноват: то ли автор журнальной статьи забыл напомнить о соединительных рёбрах жёсткости, то ли ребята просто упустили эту мелочь... Лодка от тяжести пассажиров согнулась, моряки пытались распрямить её руками и забыли о вёслах, течение было приличным, судно относило от берега, борьба со стихией переросла в отчаянную... И тут ещё появился военный патруль. Словом, Сыр-Дарья в этот день осталась непокорённой, а новое плавательное средство — не освоенным...

7

Коньяк разогнал кровь, но не прибавил понимания. Андрей повеселел, появился блеск в глазах, но город не посветлел и таксист не прозрел. Он описывал то, что Андрей не видел, или видел не так. Паника не пришла, но беспокойство окрепло. Андрей пробудил в памяти образ придуманного им же таинственного куратора и мысленно обратился с возникшими вопросами к нему. Ответов не последовало, во всяком случае, явных. Андрей не склонялся к мысли, что тайный императивный подсказчик готовит ему западню, мучительные испытания или желает зла. Его сомнения заключались в том, что понимание им добра может существенно отличаться от допустимых привычных норм. И тут к событиям прибавился новый поворот.

— Я в чужие дела стараюсь не лезть, однако вижу — вам полегчало... А это у вас игра какая-то новая?

— Это какая? Ты о чём?

— Вчера в том же месте, где мы встретились, вышел из степи человек... тоже тёр глаза, уверял меня, что я то ли слепой, то ли смотрю не так и вижу не то... хотел даже высадить его...после коньячка оживился, и катались мы с ним по старому городу... — и замолчал.

Андрей выдержал паузу, но продолжения не дождался.

— И как прогулка? — спросил он.

— Лучше бы её не было... Вроде ничего и не случилось, но пассажир уж слишком странный — как вы... Тоже про мрачное небо рассказывал, про Дом офицеров, летний кинотеатр... И дело не в том, что рассказывал... Старожилы говорят, действительно был такой — летний... Дело в том что он показывал, словно видит... А там пустое место. Говорю, даже посадить хотел, или в милицию... Но не решился: вижу, что человек странный, но... мощный какой-то... не чужой, наш...

— И где он сейчас? — спросил Андрей.

Таксист не ответил и продолжил на своей волне:

— Он мне сказал вас встретить... И место и время указал. Заплатил. Необычно как-то это всё... Криминала вроде нет, опасности нет, но и не понятно, совсем не понятно. Потому и спрашиваю: это игра что ли такая?

Андрей сам был не в восторге от происходящего. Интрига и его затянула и утомила. И ответить что-то надо человеку — ведь так и будет думать, может, и всю жизнь, во что влип.

— А как вы меня узнали? — Андрей перешёл на вы.

— Время известно, место известно, ну и вот ещё, — таксист указал глазами на часы, — хорошая вещь — видна издалека. Он и об этом сказал.

Ситуация несколько прояснилась, но мрака непонимания прибавилось.

— Что он ещё сказал?

— Он сказал отвезти вас на Площадь Ленина.

— А адрес, номер?

— Так и сказал. Больше ничего.

— Понятно. Поехали. Это недалеко. Через центр — и мы на месте.

Таксист азартно сверкнул глазами, словно сделал маленькое открытие:

— Сбор ветеранов... одноклассников? Ожидание встречи, волнение, нервишки, перебор небольшой в пути...

— Что-то вроде этого...

— Ну, теперь немного понятней... Это быстро — через проспект Королёва...

— Пусть будет проспект!

Таксист задал глазами вопрос. Андрей ответил:

— Не было такого проспекта... Вернее, улица была, Сергей Павлович был, а проспекта такого не было...

Таксист сокрушённо вздохнул: ну, вот, вроде установился какой-то понятный порядок вещей, но надо вот так его сломать намёками да непонятками.

Андрей глянул в лобовое стекло на небо. Ему показалось, что серая наброшенная неизвестными силами накидка неоднородна, состоит из крупных бесформенных лоскутов и медленно, еле заметно глазу вращается вокруг невидимой оси. Этого ещё не хватало, подумал он. Обычно, когда пасмурно, приходит духота. Но таковая не ощущалась, пока, во всяком случае. Проехали по площади. Когда-то асфальт в летнюю жару легко поддавался давлению даже детских подошв и, если чуть задержаться, можно было в нём оставить следы. Где они — эти следы? Ведь их должно быть так много, что площади не хватит.

Повернули от памятника влево, затем направо, миновали два дома и заскочили в безлюдный двор.

— Народ отдыхает... и мы приехали, — с облегчением и надеждой сказал таксист.

— Да, вроде приехали, — ответил Андрей, не видевший никакого отдыхающего народа.

Достал из кармана деньги и глянул на них с явной опаской. Нет, всё нормально, хоть здесь всё нормально. Рассчитался, вышел и сразу направился к ветхой беседке, где находился только один человек.

8

...Вообще-то, великим путешественникам всегда нужен подробный план. Иначе трудно удержать в голове огромное количество деталей, сопутствующих намеченному свершению. Задача проста и вполне понятна — добраться до Аральского моря. По карте, вроде, километров триста. Течение реки известно, берём дальность, скорость, и продолжительность плавания получается... не критичной. Ну, посещение и изучение островов, составление подробной карты, общий журнал наблюдений и индивидуальные путевые заметки — с этим всё ясно. Прочие задержки — рыбалка, приготовление еды, отдых... Соль, спички, сухари, ножи, леска, крючки — и здесь всё понятно. Но как быть с водой? Брать с собой или кипятить имеющуюся? Если в воду Сыр-Дарьи погрузить руку даже на глубину ладони, то ладонь эта уже не просматривается. Так что, если даже кипятить... кто её знает, эту воду... Могут быть, конечно, родники... Могут быть, могут и не быть. Но котелок всё равно нужен. Ну, и остались мелочи — лодка, желательно с мотором или хотя бы с парусом. Иначе как в море выходить? Лодку можно позаимствовать на лодочной станции — их здесь много, а вот с мотором и парусом сложнее.

Процедура возвращения с моря вообще не рассматривается — главное добраться. Примерно так выглядел очередной проект Андрея и Василия, рассматриваемый в кабине разваленного ржавчиной речного катера, брошенного во времена далёкие в камышах давно пересохшей протоки могучей реки...

9

Беседки, скорее всего уже нет, подумал Андрей. Не могла она сохраниться после многолетних ремонтов, реконструкций и прочих новаций, почему-то имеющих тягу к бесконечному разрушению. Старые футбольные ворота без сетки. А была ли она — эта сетка? Память молчит, не подсказывает. Качели с двумя лодочками, позволяющие устраивать соревнования на мощь вестибулярного аппарата. «Летали» до победного — у кого первого голова закружится так, что сдрейфит. И всё бы хорошо, но участники битвы держались до последнего, упрямо и старались не подавать вида, если даже ноги уже не слушались, а пальцы, держащие металлические стропы, разжимались. И тогда невольное продолжение полёта могло быть всяким. И было всяким. И этого всего близкого и далёкого тоже, наверное, нет.

Но — он? Он — есть! Иначе... Что иначе, он сформулировать не смог. Встретил бы на улице, не узнал, наверняка бы не узнал... Но сейчас — вот он собственной персоной. Васька, который был уже давно не Васька, поднялся, вышел из беседки, и они, не сказав ни слова, обнялись.

— Сколько лет... — сказал ожидавший.

— Страшно подумать... — сказал прибывший.

Дома выглядели как тогда. И тополя уже мощные — как тогда. Андрей вспомнил, что где-то проскочила уколосшая сердце строка — вырубили деревья, а новые не посадили. Может, это так. Может. Но сейчас всё на месте. И пусть будет. Андрей жил в доме номер восемь, Васька — в десятом.

10

... Голая пустыня просматривается с четвёртого этажа на многие километры, до горизонта. Поэтому большой огонь, появившийся внезапно, в секунды, хорошо виден. Он колышется в ночи как страшный и безнадёжный факел. Но у стойких молодых офицерских жён сил и надежды ещё много. В комнате полумрак. Необычно много женщин. Необычно много детей — возятся под столом, иногда капризничают — поздно уже, и не понятно, ничего не понятно. Женщины переговариваются намёками, иносказаниями и упрямо уходят от крайних необратимых оценок. Но можно догадаться: что-то случилось — большое и страшное. Но что? На весь дом один телефон, а может, два. И кто-то, наверное, супруга большого начальника время

от времени куда-то звонит. А ей отвечают: ждите и надейтесь, они под землёй, в бункере, но... Почему под землёй? Что такое бункер? И главное — почему «но»? Какое ещё «но»?

И затем в солдатском парке прохладным осенним днём шёл мелкий дождь. Андрей был одет в самодельный плащ из редкого тогда материала — полиэтилена. В огромный котлован опускали красные гробы. Их было много, так много, что не укладывалось в голове даже взрослого человека. А сознанию ребёнка предстала тягостная необычная картина, осмыслить которую он был просто не в силах. Но запомнил слова матери: «Пойдём — сейчас будут стрелять...» Почему стрелять, куда стрелять... война что ли?.. И позднее, через годы, Андрей зашёл в первый подъезд десятого дома к другу Ваське. Постучал, открыла не мать — какая-то крайне расстроенная женщина. Она молча позвала приятеля, и тот сообщил, что гулять пойти не может — батя умер. И уже не ребёнок Андрей подумал: как умер? почему? Молодой ведь... Война что ли?...

11

— Ты сам приехал? — спросил Андрей, в душе не рассчитывая на чёткий ответ или даже поверхностные объяснения по поводу таинственного зова и неосознанного стремления упрямого эго, но всё же уточнил: — Как устроилось? Почему вдруг?

— А ты не понял? — риторически спросил Василий и добавил: — У нас времени не так много... На лодочную не успеем... В Солдатский парк тоже. Да и раньше об этом надо было думать. Если только прогуляться... здесь, недалеко...

Хоть бы солнце вышло, что ж давит так, подумал Андрей. Мысль о посещении памятных мест вызвала противоречивое чувство. И надо бы... Но, надо ли? Действительно, раньше всё это надо было делать, раньше.

Тогда давно — когда? — по дороге на лодочную станцию был киоск. К концу дня газировка там уже теряла прохладу, дарованную привозимыми каждое утро большими кусками натурального льда. Могло её уже вовсе не быть. Почти на финише — до вожденной торговой точки оставалось метров сто, ребята прикидывали количество мелочи в кармане и гадали: работает или не работает? Качество напитка их не интересовало — лишь бы напиться вдоволь после непростой прогулки под никого не щадящим солнцем. И если работал — пару кружек каждый из не отличавшихся богатырскими размерами подростков осиливал без труда. Именно кружек, продажа газировка стаканами была исключением.

А Солдатский парк... Появилась на месте огромного котлована невзрачная взлетающая ракета и десятки имён, внесённых навечно в список покорителей космоса. Позднее появилась ещё одна братская могила — обрамлённая портретами погибших. Именно эта деталь дала толчок фантазии некоторых

поверхностных летописцев и журналистов, с чьей кривой руки появилась информация о портретах жертв первой недельной катастрофы. И никто из них не удосужился задаться вопросом: где ж это можно разместить сотню траурных портретов?

Несколько лет назад Андрею предлагали посетить ставший родным город. Отказался — под надуманным предлогом. Про себя подумал: сердце разорвётся. И вот он здесь. Сердце пока бьётся. И напоминает о себе так и не отформатированная мысль: не сам приехал, не сам... заставили тебя. Кто? Что? Внутренний голос? Зов совести? Тоска? Понимание близости конца? Не то... Не то... Ничего не подходит. Судьба? Хитрая, конечно, трактовка, но всеобъемлющая — на ней и остановимся.

— Всё думаешь? А может не надо ни о чём думать — просто делать? — выдал Василий довольно странную тираду и не менее странно закончил: — Люду встречал — потом?

— Нет, не встречал. Найти можно было... Сначала это имело какой-то смысл. Какой-то. А позднее — никакого.

12

...Андрею с группой других ребят после девятого класса предложили поработать в пионерском лагере. Места вожатого не хватило, и ему был предоставлен почётный статус библиотекаря. Пионерских лагерей было два. Первый расположен в старом фруктовом саду под Чимкентом. Второй сравнительно недалеко от города, на берегу реки. День рождения Толика, солдата-баяниста, выпал на пересменку. Не поехать нельзя. До нужного железнодорожного разъезда можно добраться поездом — и пассажирским, и товарным. Однако проскочить мимо, без остановки, может и тот, и другой. Поехали на пассажирском. Надежда — притормозит. Притормозил — на другом разъезде. И выскочили двое ребят и одна девчонка в темноту. И пошли в обратную сторону по темноте. И шли до рассвета. И шли бы ещё долго... Подвернулся товарняк местного значения, развозящий воду, продукты и что-то ещё не менее важное по многочисленным мелким станциям. Машинист разрешил — выбирайте любой из трёх вагонов, и путь продолжился в полумраке на пыльных досках в окружении затейливых строительных агрегатов. Люда прижалась спиной к стене, Андрей лёг и положил ей голову на колени. И исчезли из их мира шероховатые доски и вся несовершенная вселенная. Добрались и до лагеря. Добрались и до города. Андрей и Люда жили наискосок. Андрей зажигал на балконе спички, Люда зажигала лампу на лоджии, и казалось, эта незыблемая нить никогда не порвётся. А если честно — ничто тогда не казалось — во всё верилось...

13

— Позднее — да. Теперь — тем более, — задумчиво сказал поседевший Васька и предложил: — Может по генеральским прогуляемся?

— Не пустят, — усомнился Андрей, силясь осознать временной формат пребывания в городе. Год — какой? Что можно, что нельзя, что можно, если очень хочется, и что нельзя ни при каких обстоятельствах? Пацанам можно было пробежаться по заасфальтированной дамбе, обрамляющей так называемые генеральские дачи, и даже недолго посидеть в простенькой деревянной беседке, которую позднее назовут Гагаринской. Но какова обстановка в данный момент? Мальчишек мог шугануть дежурный солдат. А взрослых? Шуганут или нет? И если шуганут — как быть?

— Пойдём, — согласился Андрей.

Они пересекли двор и пошли вдоль парка, заложенного с тыльной части Дома офицеров. Прошли мимо летнего кинотеатра и направились по узкой аллейке в сторону реки. Горячий воздух загустел, и конца аллейки не было видно. Проходила она близ городской танцевальной площадки и упиралась в лестницу, ведущую через дамбу на пляж.

Во дворе никого не было — значит так задумано. Кем? Разберёмся, хочется верить. Но увидеть пустой пляж в летний день не хотелось. Очень не хотелось.

Андрей предложил свернуть, Василий согласился. Пересекли парк и вышли к бетонному забору, спускающемуся почти в воду. Река в это время традиционно пересохла, на пляже образовалась огромная песчаная мокрая отмель, позволяющая играть в футбол со всеми возможными и невозможными нарушениями правил. Отступила река и от забора, так что обойти его вдоль воды — не проблема. Андрей не смог отвести взгляд — пляж был пуст. Эта пустота пугала и нагоняла тоску. Эта пустота подчёркивала иллюзорность и невозможность происходящего. Она, пустота, была права. Но сердце настукивало: виденье, мираж — что угодно, но не суди, хорошо ли, плохо ли — ты здесь не за этим.

Прошли по дамбе, зашли в беседку.

— Посидим? — предложил Андрей.

— Надо, — ответил друг детства.

Белая краска местами облупилась, дерево пересохло, покорёжилось. «Это сейчас, а что же потом?» — подумал Андрей. Генеральские располагались на речном повороте, потому схлестнулись течение основное и обратное. Несколько небольших водоворотов намекали: не ждут тебя здесь. Не опасные они, подумал Андрей, на скорости вполне можно проскочить. Но были на реке места, где воронка так лихо засасывала воду, что вид даже с твёрдого берега порождал первобытный страх. Возможно, такие тревожные картинки и многочисленные вполне реальные случаи гибели людей в реке породили то вспыхивающие, то затухающие разговоры о втором дне. Мол, течёт под рекой ещё одна река, и провалиться туда можно запросто. Дети

об этом мало задумывались, и тревожные разговоры к ним не «липли». Но позднее Андрей узнал, что такое карстовые воронки и задним числом встал на сторону непопулярной, но имеющей право на существование версии.

Со стороны дач выросла голова в воинской панаме, и через мгновение на дамбу ступил солдат. Летний вариант: ботинки, гимнастёрка с короткими рукавами. На ремне щтык-нож. Дежурный насвистывал что-то знакомое, очень знакомое и очень далёкое. Не вспоминалось. Солдат прошёл по дамбе, окинул взглядом беседку и продолжил свой путь. Это уже слишком: кого нет — нас или его? Андрей вздрогнул, хотел вскочить догнать солдата, ляпнуть что-нибудь вроде «дяденька, мы просто так... проходили мимо — интересно же...» Навалилась усталость.

— Не спи — замёрзнешь, — выдал Василий старую присказку. Оглянулся на реку, сладко потянулся и как бы нехотя спросил: — Ты часы когда забрал?

— Не помню... Ты уехал... я... не верил... потом поверил, потом подумал — навсегда. Открыл тайник и взял. Вскоре тоже уехал — моим дали квартиру в Воронеже. Учился, работал... в общем — всякое такое.

— Вот видишь — не навсегда.

Андрею не понравился тон последнего замечания. Он не понял его смысл — какой-то укор что ли... Да и был ли в простых словах какой-то смысл? Но всё же пояснил:

— Они не мои, они — наши. Я когда уезжал...вернее, нет, раньше... летом ещё, а уезжал я осенью... Приехал из лагеря того самого, ну, помнишь, где библиотекарем придуривался, пошёл в ванну, включил душ, сел на край и... расплакался. По-настоящему. Внезапно как-то понял: это всё, больше этого не будет, не будет никогда.

— Чего этого?

— И тогда не смог сам себе растолковать и сейчас не смогу, это точно. Всего этого. Всего! Потому и взял. Но не показывал никому довольно долго. Почти. Один раз, правда, занесло — поднёс под ясны очи одному... фарцовщиками их тогда называли, хотя валюты никакой — пластинки, джинсы... Глаза у него загорелись, аки прожекторы. Еле выкрутился — что-то насчёт заграницы, дипломатов-родственников наплёл.

— Поверил?

— Думаю, нет. Но глазки с того момента стали бегать с другой амплитудой.

Андрей расстегнул браслет:

— Бери. У меня они погостили. Теперь твоя очередь.

— Не надо — оставь. Смотри не потеряй... — и промелькнула на лице друга детства взрослая и очень непростая улыбка.

Андрей ничего не понял — слишком много тумана, да и понимать уже ничего не хотел. Потому промолчал.

14

... Под каждой лестницей в каждом подъезде была приличных размеров подвальная ниша. И туда можно было легко забраться. И не только забраться, а притащить старые стулья, тумбочку и даже приличных размеров подушку от дивана. А вот в третьем подъезде вход в нишу закрыт металлической дверью. Замка нет, металл прихвачен сваркой. Непроста это. А посему надо глянуть, что скрыто.

«Буратино» прочитан давно, мечты и надежды повзрослели. Что за дверцей в каморку? Через лестничную нишу вдоль стены проходят трубы, слегка заложённые кирпичом. Вот этот кирпич и надо убрать. Подвал залит водой. Не проблема. Для этого существуют чулки армейского ОЗК. Комплект один. Ну и что? Васька надел чулки и, шлёпая по воде, перетащил Андрея на закорках. Кирпич разобран, далее — темнота, трубы горячие, но терпеть можно, ползком-ползком, и вот она таинственная кладовая. И даже лампочка на проводе есть. Лёгкий осторожный поворот, и — да будет свет.

Риск вознаграждён: в каморке спрятан мотоцикл. Откуда он здесь? Скорее всего, украден и спрятан. Кем? Понятно, кем — тем, у кого есть сварочный аппарат. У кого он есть? У сантехников. Сантехники, они кто? Гражданские! А эти — всё могут. Для мотоцикла ребята молоды. Но у него есть двигатель, вполне годный для автожира. Такая лёгкая и удивительная машина, как дельтаплан, ещё не известна. И потому, любимый журнал предлагал воздухоплавателям микровертолеты, порой весьма экзотические, именуемые таким непривычным словом. В одном из таких проектов предлагалось разместить на крайних точках лопастей основного пропеллера миниатюрные турбореактивные двигатели. Питание — авиационный керосин. Подача горючего — по трубкам за счёт центробежной силы. И чертежи, и рисунки красивые. Но даже они не поверили и, спасибо судьбе, не попробовали. Но тот автожир в прошлом. Этот — в будущем. Двигатель потянет? Ответ только один — потянет...

15

— Кстати, время? — спросил Васька.

— Почти два.

— 23 июля. Почти два. Пора.

— Куда?

— Спешить надо — погода нелётная, — ответ был более чем расплывчатым.

Неприветливое небо помрачнело, упали мелкие капли редкого дождя. Они мгновенно высыхали на горячем асфальте, не оставляя следов. Обозначились незлые порывы ветра.

А бывают злые? Бывают. Не очень злые, но бывают. Давно, но словно вчера, троица разгильдяев, третий Игорь, отлупивший в день своего появления в школе трёх самых главных хулиганов, переплыли на надувной лодке одну протоку, вторую, третью и наконец оказались на другом берегу. Времени вдоволь, и потому марш-бросок вверх по течению был результативным. Огромный красноватый обрыв просматривался издалека и вот он рядом.

К краю обрыва подходить боязно — красная глина скользкая. Но интересно всё — не только обрыв. Отошли в сторону двух красноватых холмиков. Версия родилась сразу — курганы. А почву возили или таскали от большой красной горы. А где курганы — там захоронения, а где древние захоронения, там мечи, щиты, стрелы и, конечно, золото. Клад — дело нужное и увлекательное. И надо бы основательно покопаться. Но время бежит. Игорь ступил на курган, сделал шаг, другой, и земля провалилась. Успел отпрянуть. Чёрный провал — под углом, рассмотреть, что там, в глубине, невозможно. А подойти и заглянуть страшно, даже таким отчаянным героям. Теория кургана получила бесспорное и проверенное опытом подтверждение...

Прошли ещё с полкилометра, надули лодку, и остался пустяк — сесть поудобней и плыть по течению. И вот на повороте внезапно поднялся тот самый злой ветер, погнавший лодку против течения. Мало того, судно начали захлёстывать волны. Три пассажира отчаянно гребли — всё без толку. Наконец догадались прижаться к берегу и проскочить по мелководью под красную скалу. И запомнилось ещё, что высоко в расщелине сидела крикливая вредная ворона и бомбардировала незваных гостей мелкими, а порой довольно увесистыми камешками: нечего соваться в чужие уголья.

Васька встал и пошёл по дамбе в сторону водокачки. Когда-то там, когда спадала вода, рождался каменистый остров. Протока бурлила от сильного течения, но перебраться можно. А остров выводил уже к большой воде. А где большая вода, там большая рыбалка. Острова не было — может, не сезон, а может быстрая река и время растащили камни.

Дождик быстро прекратился, воздух не набрал свежести, напротив — загустил испарениями и посерел. День, но словно лёгкие сумерки. Васька свернул от реки к городу, к нулёвке — нулевому кварталу.

Андрей последовал за ним. Людей нет, машин нет, никого и ничего. Только мрачный и всё-таки добрый город, да два бродяги неприкаянных. Андрей плохо воспринимал всё происходящее, но хуже всего он воспринимал неприветливость города. Она порождала несогласие и...обиду.

Василий, видимо, понял настрой и насмешливо спросил:

— Что — не нравится?

— Нравится, всё мне нравится, — покривил душой Андрей, — но обидно как-то...

— Заслужили, наверное.

Мысль оказалась неожиданной, но Андрей принял и такой вариант объяснения, ибо всё другие были страшненькие и витиеватые. Гараж из силикатного кирпича стоял на отшибе недалеко от дороги. Василий недолго повозился с замком и открыл. В полумраке неосвещённого помещения стоял моторный дельтаплан. Андрей уже ничему не удивлялся, не удивился и тому, что вместо восторженных, полных технических подробностей объяснений последовала ненавязчивая команда:

— Помогай.

Андрей видел дельтаплан вблизи второй раз жизни. Первый был результативным — даже «прокатился» в качестве пассажира и был удивлён грузоподъёмности внешне неказистого аппарата. Выкатили агрегат из гаража, ещё несколько метров и — дорога. Прогремел гром. Молнии не было. Василий глянул на небо и, не известно, кого обнадеживая, сказал: «Успеем!»

Андрей точно знал по личному опыту, что моторный дельтаплан без проблем может взлететь с просёлочной дороги, ровной поляны и даже свежееубранного поля — сам наблюдал и сам участвовал. А здесь — чистый, просматривающийся на сотни метров аэродром. Как человек, с техникой не очень дружащий, он оживил в памяти крупницы разрозненной информации и сформулировал сам себе вопрос: зажигание от аккумулятора или будет сейчас Васька надсадно давить ногой или крутить рукой капризный рычаг, название которого он и не помнил? Первое смущало по причине необходимости нести дополнительный груз. Второе было чревато неудачей, так как приближался цейтнот, суть которого он не понимал.

Спина приятеля закрывала манипуляции, и что он там нажал или дёрнул, Андрей не видел. Двигатель запустился, пилот отрегулировал газ, кивнул на вращающийся винт, показал рукой «опасно, обходи» и устало изрёк:

— Садись.

Мышечная память — полезная вещь и срабатывает даже тогда, когда весь другой опыт утерян. Андрей к удивлению приятеля довольно быстро и ловко пристроился впереди на шаткой сидухе и не без волнения ухватился за довольно хлипкую раму.

Небольшой разгон и — взлёт. Пахнуло прохладой, мелкие капельки дождя, только что не замечаемые, щекотали лицо. Андрей глянул вниз и не без гордости отметил: самочувствие удовлетворительное, полёт нормальный. А вот взгляд на мрачное, разделившееся на несколько грязных потоков небо, подарил ощущение лёгкого головокружения и нелёгкой тревоги.

Васька хлопнул по плечу. Андрей оглянулся в пол-оборота. Пилот показал рукой на часы. Андрей выкрутил руку и показал время. Пилот кивнул, что-то прикинул, пошевелил губами, словно прочитал молитву, и сделал резкий разворот в сторону города.

16

Может, Васька что-то вспомнил, может, помнил всегда, но не имел возможности совершить, может, просто подгонял график под известный только ему план полёта. Школьный двор, в нём большое П-образное четырёхэтажное здание и малое одноэтажное. В этом, малом, всё началось, и в том, большом, всё закончилось. Дельтаплан толкнул порыв ветра, он устоял, слегка провалился в невидимую яму, но по-прежнему уверенно в крутом вираже заходил на посадку.

«Неужели на стадион? А может на школьный двор?» — подумал Андрей, испытывающий явное головокружение. Но план оказался иным. Машина выровнялась, пронеслась над шифером основного учебного корпуса, сбросила высоту, чуть не чиркнула по крыше одноэтажки, снизилась почти до земли и ровно прошла над стадионом. Двигатель насадно гудел, капли дождя били в лицо, ветер лохматил волосы и обжигал веки, Васька что-то орал. Стало безумно легко, словно огромная тяжесть, лежавшая на плечах многие годы, в считанные секунды испарилась и рассеялась в огромной, только что родившейся малой вселенной.

И Андрей вспомнил и явь, и сон, которые долгие годы гнал и загонял в отдалённые уголки угасающих воспоминаний. Этот сон-явь приходил к нему то ярким и радостным, то — страшным и безысходным. Середины не было. Как эта граница, разделившая небо на голубую даль и подгоревшую на огне времени серую кашу. Он вспомнил и понял, зачем он здесь и почему машина набрала высоту и ринулась к реке — к обрыву и сероводородному источнику, которому приписывали чудодейственные свойства. Шея — не резиновая, однако Андрей всё же оглянулся. Васька подмигнул, улыбнулся и что-то прошептал. Андрей не расслышал и не мог расслышать. Двигатель ровно выдавал обороты, ветер насвистывал пиратский мотив.

17

... Попытки прорыть пещеру в обрывистом берегу предпринимали и ранее. И даже ходили слухи, что есть — да, есть! — ход в большую комнату. Не верилось, но хотелось. Та, старая, пещера со временем обвалилась. Но если была та, почему не может быть эта? Как ни странно, впереди действительно

просматривался узкий ход. Слабый фонарик не в силах был бороться с темнотой. Что-то нутужно закрипело и, как показалось Андрею, по-человечески тихо ахнуло. Свод со стороны входа просел, и крупные глыбы грунта почти перекрыли дневной свет. Отталкиваясь локтями и по-змеиному извиваясь, ребята стали сдавать назад. Упёрлись ногами в препятствие и не решались пошевелить его: тогда может обвалиться основательно. Свободного пространства явно не хватало, чтобы выбраться. Истерики и плача не было, но ребята понимали, что долго не продержатся. Опять ахнуло, глыбы просели, и наступила полная темнота. Теперь уже точно — долго не продержаться.

Берег безлюден, никто не видел дерзкие действия юных спелеологов, да и слова такое тогда мало кто знал. Поэтому даже мысленно обозначить нить надежды было трудно, но она, надежда, пока умирать не собиралась. И потому, когда одежда вдруг промокла, со лба покатались капли пота, дыхание участилось, в висках обозначился далёкий и тревожный размеренный нечастый бой, они лежали и уверяли один другого, что всё равно доплывут до Аральского моря и всё равно построят автожир.

Слова быстро кончились, и мысли охватила дрёма. И трудно сказать — наяву или почудились громкие живые голоса. Сначала хлынул ручеек воздуха, затем — река. Затем ослепил солнечный свет. Затем крепкие руки буквально швырнули их на влажный песок, где они лежали и осознавали цену глотку воздуха. Затем звук — словно отплывает от берега катер. И никого. Две глыбы плотного песка отброшены от входа в рукотворную пещеру. И никого. Вдали в голубом небе парила крупная птица. Васька посмотрел под ноги — блестит. Присыпанные песком лежали необычно красивые часы. Видно, кто-то из спасателей, пожелавших остаться неизвестными, потерял их, пока лихорадочно рвал руками плотную землю...

18

Дельтаплан шёл на встречу с чистым небом, до границы света и мрака оставалось совсем немного. Скоро встретит голубое небо, скоро солнце начнёт слепить глаза, и наверняка город посветлеет и сбросит с себя мистический камуфляж, выбранный для этого необычного дня и чрезвычайно нужного часа.

Сегодня он принял нас, завтра ещё кого-то, затем ещё и ещё. Мы боролись, трепыхались, били и падали битыми, начинали и бросали, проявляли эпическое упрямство и позорное малодушие, задыхались от восторга и злого удушья — он примет всех, всех без исключения, потому что он давал всё и всем, а выбирали мы сами.

Андрей обернулся и попытался помахать рукой. «Они не увидят!» — крикнул Васька. «И это хорошо», — подумал Андрей. Граница пройдена, и казавшееся серым крыло дельтаплана заиграло разнообразием оттенков. Вдалеке был виден поезд, приближавшийся к станции Тюра-Там.

— Сколько времени? — кричит Василий.

Игорь смотрит на опустевшее запястье, оглядывается сначала на берег реки, затем на город, затем на Василия, показывает руку и весело кричит:

— Какая разница? Теперь уже успеем. Успеем, даже если опоздаем.

Москва, 2015 год.